

Галина Артемьева

Уснуть... И видеть сны?

*Часть сборника
Чудо в перьях (сборник)*

Галина Марковна Артемьева

Уснуть... И видеть сны?

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3088805
Чудо в перьях: рассказы : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55505-5

Аннотация

«Она спала почти весь день пути, а к ночи сон отступил, давая дорогу ясным мыслям. Почему-то стало понятно: сейчас. Сейчас ей надо выходить. Зачем ей ехать в Москву? Кто ее там ждет? Приедет. И опять начнется. И опять ее потянут. С другими так было. За 17 лет она таких навидалась. Нет. Сидеть – так сидеть. Выйти – так выйти. Чтоб уж никогда больше. Ну и что следует из того, что усач подох год назад? Ничего. Отдышатся и снова начнут. Главное, ни на что не надеяться. Тогда еще можно тянуть. Это зря так говорят, мол, надежда умирает последней. Нет. Твоя надежда тебя же и убивает. В первых рядах гибнут или предают те, кому нашептывает свое вранье надежда...»

Рассказы Галины Артемьевой – мудрые, тонкие и честные. Все они – о нас, обычных людях, живущих своей привычной жизнью. Это истории о радости и печали, об искушениях и тех обыденных чудесах, которые порой спасают нас в самые тяжелые моменты, о равнодушии и безграничной любви.

Содержание

1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Галина Артемьева

Уснуть... и видеть сны?

Она спала почти весь день пути, а к ночи сон отступил, давая дорогу ясным мыслям. Почему-то стало понятно: сейчас. Сейчас ей надо выходить. Зачем ей ехать в Москву? Кто ее там ждет? Приедет. И опять начнется. И опять ее потянут. С другими так было. За 17 лет она таких навиделась. Нет. Сидеть – так сидеть. Выйти – так выйти. Чтоб уж никогда больше. Ну и что следует из того, что усач подох год назад? Ничего. Отдышатся и снова начнут. Главное, ни на что не надеяться. Тогда еще можно тянуть. Это зря так говорят, мол, надежда умирает последней. Нет. Твоя надежда тебя же и убивает. В первых рядах гибнут или предают те, кому нашептывает свое вранье надежда.

Ей повезло. Надеяться было абсолютно не на кого. И она сумела расправиться с прежней жизнью в первую же тюремную ночь. Пожалуй, даже чуть раньше. В те десять дней, что предшествовали ее аресту. Отца забрали – вот был гром среди ясного неба. Вот когда были еще заоблачные дали.

Художественное училище закончила. На работу в театр попала, в институт поступила. Влюбилась. В первый и последний раз. Так и маме сказала: в первый и в последний. И что ей 18, а ему 34 – это ничего решительно не меняет. И не изменит никогда. Она его любит и будет любить, пока жива.

И так все было хорошо, голова кружилась от счастья, от лета, песен, из окон несущихся.

Ночь, когда отца увезли, все переломила. Мать тогда превратилась в вещунью. Они сидели среди расшвырянных и униженных злыми руками книг, и мама чужим, как будто с того света, голосом рассказала все, что случится с ними.

– Отца расстреляют. Меня возьмут послезавтра. В живых ходить мне недолго. У тебя есть путь к спасению: бери самое необходимое, диплом и уезжай немедленно. Далечно. В Сибирь. На Дальний Восток. Приедешь, устроишься в школу там или еще куда, где незаметно. Скажешь, мечтала вложить свой труд в великое дело необъятной Родины. И сиди тихо. Будешь жива. И на свободе. Хотя... Нет, все-таки это свобода. Не тюрьма – это свобода. Что бы там ни думалось. О нас забудь. Мы тебе оттуда поможем.

Неверующая комсомолка сразу поняла все про отсюда. И поверила навсегда. Она слышала материнскую правоту, как никогда раньше. Но разве можно было уехать, не сказав самого главного тому, кого «раз и навсегда». В этот вечер, перед арестом отца, она слушала, как взрослый и сильный мужчина слабым и жалким голосом говорил ей о своей любви, о том, чтобы всегда вместе. Он ждал от нее ответа, а ей хотелось поиграть, порадоваться своей внезапной власти над ним.

– Я вам ничего сейчас не скажу, – интриговала она, глядя снизу в его темные ждущие глаза. – Мы встретимся после-

завтра, и тогда...

– У меня трехдневная командировка...

– Значит, после командировки. И очень хорошо. У вас будет время подумать, – она говорила с ним, как куклами еще недавно командовала, играя в дочки-матери.

Он на прощанье поцеловал ей руку. Кто ж мог знать, что это был первый и единственный мужской поцелуй за всю ее жизнь. Она убежала, даже не оглянувшись ни разу. Кто мог знать!

Мама тогда знала все.

– Уходи. Сейчас же уходи. Ничего за собой не оставляй. Тут все кончено и ничему не бывать.

Она слышала правоту матери. Она знала, что так надо. Но как убежать от своей любви? На это сил не было. Вот если бы она всего несколько часов назад не ломала комедию, а сказала бы «да» и целовалась бы с ним по-настоящему и пусть даже было бы у них все. Тогда можно было бы бежать. Но так. Сейчас. Нет.

– Я уеду, – пообещала она твердо. – Но через пять дней.

– Из-за него?

– Я должна остаться и объяснить.

– Напрасно. Ничего не будет. Тут – пустота, – откликнулась мать, словно читая в неведомой книге, – не уедешь, тебя ждет тюрьма. Он – нет. Тюрьма.

Не верить было невозможно. Она верила. Ей только и нужно было от судьбы – пять дней. Три – на дождаться. И

два – на любовь.

Мать увели, как она и говорила. Уходя, она не взяла с собой ничего.

– Можете взять теплые вещи, – посоветовал уводящий.

– Нет, мне ненадолго, – отказалась мать. И конвоир усмехнулся:

– Все так говорят.

– Мне ненадолго, – повторила мать вещим голосом, и холодно стало даже палачам в жаркую летнюю ночь.

И дочь, все зная уже, кивнула: «Три дня». А мать отрицательно покачала головой: «Пустое».

И это было все.

Она напрасно ждала пять дней. Он не позвонил и не пришел.

Знает и боится. Нет, задержался в командировке.

Беги. Нет, подожди еще день.

Она стала взрослой и ничего не ждала от жизни. Только его. Только совсем чуть-чуть его.

А потом за ней пришли, как обещала мать.

Через несколько месяцев она узнала, что он ее не предавал. От его бывшей жены, с которой давно уже не жил вместе, но не успел оформить развод. Они оказались в одной камере – бывшая и несостоявшаяся будущая. Бывшая знала, что сидит за мужа – изменника Родины, который совсем и не муж, но кому докажешь. Она инстинктом отчаявшейся женщины выбрала в подруги эту молчаливую девчонку, так и не

узнав, что их связывало.

– В командировку отправили. И на вокзале взяли. Зачем им этот театр? Могли бы как всех. Ночью. Дома.

Девушка знала, зачем. Затем, что мать, любя ее, говорила о двух дорогах ее жизни, о свободе или тюрьме. Но там, где решаются судьбы, все давно было решено – тюрьма и была ее единственной дорогой. И никуда не свернешь и не переждешь ее в надежном укрытии.

Ей было тесно и душно внутри себя. Она устала и хотела в другой мир. Но убивать себя в их роду было не принято. Да и мать оттуда не позволяла. Она хорошо помнила ночь, когда матери не стало в этой жизни. Та ей приснилась и сказала, что все. «Молись за упокой», – сказал чужой голос из-за колышущейся фигуры матери. «А как?» Но голос только повторил: «Молись». И она вдруг произнесла во сне неведомо откуда взявшиеся слова: «Упокой, Господи, душу усопшей рабы твоей Александры». И проснулась с этими словами. Так они друг другу помогали: она – заупокойной молитвой, мать – самым главным словом в особо тяжкие дни: «Терпи!»

Любую дорогу можно преодолеть. Даже ту, что, кажется, ведет в никуда. Но у нее просто нет сил. И не хочется ни на что надеяться. Она знает, что никогда ей не быть женой, матерью. Никогда не узнать любви. Это давно оплакано и забыто. Смочь бы уйти. Просто уйти, чтобы никогда не видеть, никого не знать, чтобы никто не лез в душу, ни о чем не спра-

шивал, просто не замечали бы ее, и все.

1

Внезапно словно вихрь ворвался в сонный вагон: из тамбура заструились, шурша юбками, цыганки, и одна, столкнувшись на долю секунды глаза в глаза с мечтающей об уходе женщиной, вдруг сунула ей под бок сверточек: держи, милая, нам уж не иметь, а тебе пригодится. Милицейский топот через незначительный интервал, ей ли не знать тяжелую эту поступь. Но глаза ее закрыты: «Ничего не вижу, ничего не слышу». Скрежет колес, кто-то рванул стоп-кран. Упорхнули пестрые вольные птицы? Да. Вот только одну тянет за собой преследователь.

– Отпусти, гражданин начальник. За что? Видишь, нету у меня ничего, отпусти.

– Там разберутся, – обещает страж порядка и тянет пленницу назад по узкому проходу, сквозь любопытные взгляды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.